ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО КОДЕКСА, ИЛИ О «РУССКИХ» МАКСИМАХ ОБЩЕНИЯ

Ф. С. Бацевич

Львовский национальный университет им.И.Франко

В статье рассматриваются проблемы этнокультурного проявления максим общения. Материалом исследования стали паремийные средства и тексты русской и украинской художественной литературы XIX – XX веков.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, коммуникативный кодекс, максимы общения

У статті розглядаються проблеми етнокультурного вияву максим спілкування. Матеріалом дослідження стали паремійні засоби і тексти російської та української художньої літератури XIX – XX століть.

Ключові слова: Міжкультурна комунікація, комунікативний кодекс, максими спілкування.

The focus of the paper is the problem of ethno-cultural manifestation of communicative maxims. Russian and Ukrainian texts of 19th -20th century fiction provide a basis for the investigation.

Key words: intercultural communication, communicative code, maxims of communications.

В литературе, посвященной проблемам коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, теории речевой деятельности, убедительно доказано, что любое межличностное общение — от непринужденного бытового до достаточно формализованного делового — опирается на веками отработанные *импликатуры дискурса*. Последние позволяют участникам коммуникации ориентироваться в процессах общения, порождать и понимать прямые и косвенные речевые акты, узнавать типы речевых жанров, следить за изменениями стратегий и тактик собеседников и т.п. Глубоко «погруженные» в процессы коммуникации, импликатуры дискурса «всплывают» на поверхность, позволяя их «ухватывание» и достаточно приблизительное дефинирование (в терминах семантики), чаще всего в случаях их нарушения, наличия девиаций в сфере коммуникативной компетенции [1].

Анализ коммуникативных девиаций, а также «нормального» диалогового общения позволил выделить и сформулировать ряд законов так называемого «коммуникативного кодекса», представляющего собой систему принципов, которые регулируют речевое поведение говорящих и в свою очередь опираются на совокупность максим и постулатов. Важнейшими составляющими «коммуникативного кодекса» выступают принципы кооперации (сотрудничества) [2] и этикетности (вежливости) [3]. Принцип кооперации содержит в себе максимы полноты информации, ее качества, релевантности и манеры представления адресату. Важнейшими максимами принципа этикетности являются максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии и, добавим от себя, откровенности, а также позитивного имиджа говорящего (так называемый закон «сохранения собственного лица») [4].

Упомянутые максимы общения (дискурсивные максимы) были сформулированы их авторами как универсалии межличностного общения, общечеловеческие константы коммуникации. Однако со временем стало понятно, что природа и наполнение последних в большой мере зависят от этнокультурных и социальных аспектов личностей коммуникантов. А это выводит их изучение в сферу этно-, — психо-, социолингвистики и позволяет включить в проблемное поле сопоставительных и контрастивных исследований межкультурной коммуникации. Понятно, что речь идет, прежде всего, об изучении меры, способов, условий и т. п. проявлений отмеченных универсальных принципов и максим общения в разных языковых общностях, а не о каких-то особых максимах общения. В свете этих замечаний слово «русские» в названии статьи употреблено с шутливым оттенком, что, впрочем, не распространяется на проблему идиоэтнических особенностей проявления максим общения в целом и специфики использования последних носителями русского языка и культуры — в частности.

В научной литературе специфика проявления некоторых аспектов принципа этикетности общения в разных языках представлена достаточно полно (см.напр. [5]) чего нельзя сказать о составляющих принципа кооперации. Как свидетельствуют наблюдения, последние, в свою очередь, определяются этническими, культурными, региональными особенностями. Так, например, максима количества (полноты) информации, согласно которой вклад говорящих в информативность коммуникации должна быть не большей и не меньшей, чем этого требует конкретная конситуация, по-разному воплощается в речевых стратегиях представителей различных этносов. В частности, даже используя достаточно регламентированное деловое общение, носители языков и культур Азии и Европы понятие количества информации воспринимают неодинаково (прежде всего в аспекте различной меры проявления) [6]. Есть все основания говорить о том, что иные максимы общения так же идиоэтнически и регионально сориентированы. Иными словами, принятые в разных культурах правила использования максим кооперативного общения проявляются поразному. Однако эта проблема остается, фактически, неисследованной, самым тесным образом связываясь с

проявлениями национального характера носителей конкретного языка, общими и отличительными культурными, психологическими, психическими и т.п. чертами отдельных этносов, их групп и т.д. Для их изучения необходимы широкие полевые исследования с применением значительного массива данных из разных сфер «человековедения».

Некоторые методики и приемы выявления национальных особенностей использования принципов (законов) и максим общения:

- 1. Анализ фольклорных, прежде всего паремийных, средств разных языков, в которых отражены своеобразные «народные» принципы и максимы общения [7];
- 2. Записи «живой» коммуникации носителей изучаемых языков в разных конситуациях;
- 3. Анализ значительного корпуса художественных текстов, отражающих общение героев носителей определённой культуры;
- 4. Изучение коммуникативного поведения исключительных языковых личностей, «гроссмейстеров общения»;
- 5. Анализ разнообразных коммуникативных девиаций в целом и в сфере межкультурного общения в
- 6. Использование данных нейролингвистического программирования.

Приведенный перечень подходов к изучению сформулированной проблемы далеко не полон, он остаётся открытым.

Ниже, опираясь на первый и третий подходы, попытаемся определить особенности использования ряда дискурсивных максим носителями русского языка и культуры в сопоставлении с таковыми у носителей украинского языка и культуры.

Сравнение паремийных средств, в которых сконцентрированы наблюдения за спецификой коммуникативного поведения носителей отмеченных языков [8], позволяет говорить о том, что в коллективном сознании русских и украинцев отражено понимание определяющей роли в речевой коммуникации принципа сотрудничества. Коммуникативной доминантой последнего можно считать пословицы На грубое слово не сердись, на ласковое не сдавайся; Нехай буде гречка, аби не суперечка. То же самое можно сказать о роли максим манеры речи, количества информации, а также коммуникативного поведения адресата, в частности умения слушать и молчать. Некоторые примеры: Для красного словца не пощадит ни матери, ни отца; Много знай, да мало бай!; Кстати промолчать, что большое слово сказать; Лучше не договорить, чем переговорить; Менше говори — більше вчуєш; Наговорив сім мішків гречаної вовни, та всі неповні; Холодним словом серце не запалиш; Хто мовчить, той двох навчить и др.

Вместе с тем русский паремийный фонд отражает особую роль максимы откровенности в общении, более высокое ее коммуникативное «напряжение». Ср.: Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды себе ищет; Лезет с языком, что с пирогом; Язык до добра не доведет и др. Коммуникативной доминантой здесь, пожалуй, выступает пословица Что на уме, то и на языке. Можно сказать, что максима откровенности в общении русских «эксплуатируется» активнее, чем в общении украинцев. Несколько большее количество русских паремий, подчеркивающих важность последовательности и связности речи, порядка изложения мыслей, умения строить речевые жанры нужной тематики: Начал во здравие, закончил за упокой; Мелет день до вечера, а послушать нечего; Язык болтает, а голова не знает; Нести околесицу.

В украинских паремиях в большой мере подчеркивается важность соблюдения осторожности суждений, ориентации на определенный партикуляризм высказываемых мнений. Смысловыми доминантами этого могут служить пословицы Говори, та не проговорися; Говори, та назад оглядайся.

Наблюдения над речевой коммуникацией героев ряда художественных произведений в ситуациях их знакомства (романы и повести второй половины XIX–XX вв.) в определенной мере коррелируют с изложенными выше. В случаях коммуникации русских особо заметна отмеченная тенденция к избыточной «эксплуатации» максимы откровенности. Достаточно частотны призывы участников общения к взаимной откровенности, даже некоему душевному «обнажению». Последнее тесно связано с гораздо более частым, по сравнению с общением украинцев, нарушением одной из важнейших максим принципа этикетности – «сохранения собственного лица». Характерным примером, подтверждающим сказанное, может служить эпизод из романа Ф.М.Достоевского «Идиот», где герои рассказывают о самом постыдном в своей жизни поступке и в конечном итоге оказываются перед фактом психологической невозможности продолжения нормального общения. Подобных эпизодов в украинской художественной литературе мы не встретили.

Отмеченная в художественной литературе тенденция носителей русского языка и культуры к частому нарушению одной из максим принципа этикетности связана, на наш взгляд, с более общей чертой, присущей русскому характеру, — гиперкритическому взгляду на себя. Как известно, одной из когнитивных универсалий, отраженных в языковых картинах мира, является положительно коннотированный автостереотип этноса, создателя и носителя этого языка. Стереотипы же соседних этносов, как правило, имеют негативную оценку или аксиологически нейтральны [9]. Тексты украинской классической и современной художественной литературы эту тенденцию в общих чертах подтверждают. В современной же русской литературе образ русского человека, его быта, истории, культуры и т.п. зачастую представляется негативно, а порой даже карикатурно, что в сочетании с отмеченным гиперкритическим отношением к себе чревато формированием отрицательного автостереотипа в коллективном сознании.

Уже эти скромные наблюдения на весьма ограниченном материале позволяют говорить о некоторых особенностях использования дискурсивных максим релевантности, откровенности, позитивного самоимиджа в практике коммуникации носителей русского языка и культуры, по крайней мере, в сравнении с носителями украинского языка и культуры. Для последних характерно тяготение, если можно так сказать, к «западному» сдержанному типу общения.

Отмеченные особенности имеют общий характер и должны быть проверены на значительно более широком материале. Безусловным остается одно: исследование специфики использования принципов, правил, максим и конвенций общения носителями разных языков и культур является чрезвычайно актуальным, открывающим новые перспективы изучения проблем как межкультурной коммуникации, так и природы человеческого общения в целом, сущности явления интеракции, загадки встречи «Я» с «Иным».

Литература:

- 1. Бацевич Ф. Основи комунікативної девіатології. Львів, 2000. 236 с.
- 2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 217 237.
- 3. Leech G.N. Principles of Pragmatics. L.; N.Y., 1983. 276 p.
- 4. Гоффман И. О «работе лицом» // Межличностное общение: Хрестоматия. СПб., 2001. С. 132 170.
- 5. См., напр.: Формановская А.М. Речевой этикет и культура общения. М., 1987. 224 с. ; Фабіан М.П. Етикетна лексика в українській, англійській та угорській мовах. Ужгород, 1998. 256 с.
- 6. Трошина Н.Н. Этносемантические и стилистические проблемы межкультурной коммуникации в деловой сфере // Проблемы этносемантики: Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1998. С. 66-85.
- 7. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979. 224 с.
- Ашукин Н.С., Ашукина Г.А. Крылатые слова. М., 1970. 320 с.; Пословицы русского народа: Сборник В.Даля. М., 1957. – 992 с.; Прислів'я та приказки: У 3-х тт. / Упорядник М.М.Пазяк. – К., 1990-1991; Українські народні прислів'я, приказки. – К., 1963. – 792 с.
- Bartmiński J., Panasiuk J. Stereotypy językowe // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Wspolczesny język polski Wrocław, 1993. – S. 363 -387.